113 01/74 ael -8-

НА ПАМЯТЬ

ЮБИЛЕЯ

А. И. ЛЕВШИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, № 5.
1868.

113 01 all
74

НА ПАМЯТЬ ЮБИЛЕЯ

А. И. ЛЕВШИНА.

8-го минувшаго Апрѣля, большимъ кругомъ знакомыхъ Алексѣя Иракліевича Левшина, праздновался 50 лѣтній юбилей его служебной дѣятельности. Утромъ, когда Алексѣй Иракліевичъ, въ кругу своей семьи и близкихъ, начиналъ день благодарственнымъ молебствіемъ за протекшіе годы, привезенъ Высочайшій рескриптъ на его имя и орденъ св. Владиміра 1-й степ. Высокое царственное вниманіе, жалуя этой наградой юбиляра, напоминало главныя эпохи его гражданской дѣятельности въ слѣдующихъ благосклонныхъ словахъ»:

«Алексѣй Иракліевичъ! Вступивъ на службу 8-го апрѣля 1818 года, послѣ блестяще оконченнаго университетскаго образованія, вы въ теченіе полувѣковой карьеры вашей ознаменовали себя заслугами на са-

мыхъ разнообразныхъ поприщахъ государственной дѣятельности. Обративъ на себя, еще въ самой ранней молодости, вниманіе начальства отличнымъ исполненіемъ важнаго дипломатическаго порученія, въ отдаленныхъ, малоизвѣстныхъ тогда киргизскихъ степяхъ, вы, будучи за тѣмъ сподвижникомъ покойнаго генеръ-фельдмаршала князя Воронцова, въ трудахъ его по управленію и устройству Новороссійскаго края, много содѣйствовали, въ качествѣ одесскаго градоначальника преуспѣянію и развитію экономическаго значенія Одессы и оставили послѣ себя въ той мѣстности неизгладимое воспоминаніе. Призванные въ 1843 году къ должности директора Департамента Министерстра Государственныхъ Имуществъ, вы неусыпными своими трудами способствовали правильному устройству сельскаго хозяйства государственныхъ крестьянъ. Впослѣдствіи, состоя въ званіи Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ то время, когда было приступлено къ предположеніямъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, вы были однимъ изъ главныхъ дѣятелей первоначальной эпохи этого великаго преобразованія. Оставивъ, наконецъ, согласно желанію вашему, административную службу, вы съ 1859 года перешли къ судебной дѣятельности въ Пра-

вительствующемъ Сенатѣ, гдѣ, исполняя обязанности первоприсутствующаго сенатора, вашею многостороннею опытностью и высокимъ безпристрастіемъ приносите существенную пользу дѣлу правосудія.

Желая нынѣ, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея вашей службы, оказать особое Монаршее вниманіе къ полезной и достославной гражданской дѣятельности вашей я, жалую васъ кавалеромъ ордена св. Равно-Апостольнаго князя Владиміра 1-й ст., коего знаки при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ».

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

Въ Петербургѣ
8-го апрѣля 1868 г.

Это высокое царственное вниманіе было не только радостной наградой для юбиляра, но было радостью и для тѣхъ, искренно уважающихъ его, которые въ это время стали съѣзжаться; имъ отрадно было видѣть, что ихъ сочувствіе къ нему встрѣчается съ такой высокой оцѣнкой его прошлой дѣятельности; и это было тѣмъ отраднѣе, что праздникъ юбилея нисколько не обусловливался официальными отношеніями или кругомъ подчиненности.

Здѣсь собрались старые друзья, старые знакомые Алексѣя Иракліевича, давно бывшіе сослуживцы его и люди, давно привыкшіе уважать его высокочестную дѣятельность и тотъ характеръ, который умѣлъ оставаться всегда одинаковымъ, неизмѣнно-человѣчнымъ, на всѣхъ ступеняхъ общественной и государственной дѣятельности.

Но между многими, привѣтствовавшими въ этотъ день юбиляра, независимо отъ его старыхъ друзей и знакомыхъ, отрадное значеніе и особенный смыслъ имѣли привѣтствія нѣсколькихъ депутацій: онѣ являлись живыми, сочувственными голосами важнѣйшихъ періодовъ дѣятельности его, которая, какъ все истинное, жизненное, не скоро глохнетъ, а долго живетъ, въ средѣ знавшихъ ее. Первымъ такимъ сочувственнымъ привѣтствіемъ были адресы отъ города Одессы и отъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, представленные чрезъ А. Г. Тройницкаго, какъ бывшаго жителя Одессы. Вотъ эти привѣтствія:

«Алексѣй Иракліевичъ, одесскіе старожилы присоединяются къ столичнымъ вашимъ сослуживцамъ, свидѣтелямъ болѣе половины пятидесятилѣтней полезной отечеству Вашей служебной дѣятельности; ибо около трети пятидесятилѣтія Вы удивляли одесситовъ своими разнород-

ными трудами при незабвенномъ начальникѣ Новороссіи князѣ М. С. Воронцовѣ. Особенно памятно управленіе Ваше Одессою, гдѣ едва ли осталось какое-либо изъ многочисленныхъ учрежденій, въ коемъ бы Ваша заботливовѣрная рука не начертала правилъ улучшенія. Нынѣшнее поколѣніе не видѣло этихъ трудовъ, но старые очевидцы глубоко уважаютъ ихъ какъ образцовые, и не могутъ не быть признательными Вамъ; старцы возвѣстятъ потомкамъ о Вашихъ трудахъ, хранящихся въ архивахъ, напомнятъ и бывшую въ предмѣстьи города удушливоунылую песчанную пересыпь, превращенную въ зеленѣющую приморскую рощу; не забывается Ваше сильное содѣйствіе въ учрежденіи общества сельскаго хозяйства, южной Россіи, ни труды Ваши по Институту воспитанія благородныхъ дѣвицъ; Ваша же просвѣщенная попечительность создала въ Одессѣ училища для образованія обоего пола евреевъ; несчетны труды Ваши; одесситы помнятъ ихъ и, усерднѣйше поздравляя Ваше высокопревосходительство въ настоящій торжественный день окончанія пятидесятилѣтняго юбилея Вашей многотрудной карьеры, душевно желаютъ вамъ счастливаго продолженія ея и во второмъ полустолѣтіи.»

«Искренно признательные вамъ: Новиковъ, Казариновъ,

Логиновъ; Низгурицеръ, В. Вагнеръ, Залужный Шейнсъ, М. Лемпертъ, графъ Толстой, Александръ Зарифи Фендерихъ, А. Митьковъ, Митьковъ, Н. Керстичъ Попудовъ Масъ, Потаповъ, Черепейниковъ Серебряный — Черепейниковъ, А. Скольковскій, С. Алейниковъ, А. Мантовани Рафаловичъ Енно, Дембровскій, Попандопуло, Д. Феодориди, Издебскій, Тихоцкій, В. Гординскій».

Привѣтствіе Общества сельскаго хозяйства южной Россіи передано слѣдующей телеграммой.

«Тайному совѣтнику Александру Григорьевичу Тройницкому.

«По случаю совершившагося пятидесятилѣтняго служенія престолу и отечеству Алексѣя Иракліевича Левшина, Императорское Общество сельскаго хозяйства южной Россіи проситъ Васъ выразить его чувство поздравленія передъ почтеннымъ юбиляромъ. Не только Общество, но весь югъ Россіи живо помнитъ заслуги, которыя оказалъ Алексѣй Иракліевичъ сельскому хозяйству вообще и въ особенности хозяйству южной Россіи, въ исторіи которой имя Левшина остается какъ одно изъ самыхъ дорогихъ».

Графъ Толстой.

Вслѣдъ за тѣмъ представилась многочисленная депутація отъ бывшаго Департамента Сельскаго Хозяй-

ства, которымъ Алексѣй Иракліевичъ управлялъ 12-ть лѣтъ. Бывшій вице-директоръ департамента, П. А. Миллеръ, отъ всей депутаціи сказалъ слѣдующее привѣтствіе.

«Алексѣй Иракліевичъ! предъ Вами остатокъ той среды, въ которой Вы провели 12-ть лѣтъ Вашей служебной дѣятельности, будучи директоромъ департамента сельскаго хозяйства. Когда мы прощались съ вами въ 56-мъ году, по случаю назначенія васъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, мы говорили, что тяжела намъ разлука съ Вами, что 12-ть лѣтъ миновали для насъ какъ одинъ годъ, какъ одинъ день. Съ тѣхъ поръ прошли другія 12 лѣтъ и сегодня, собравшись опять въ тѣхъ-же комнатахъ, гдѣ помѣщался Департаментъ Сельскаго Хозяйства и гдѣ мы провели вмѣстѣ первыя 12-ть лѣтъ, мы забыли, что Вы болѣе не съ нами, и съ тѣмъ чувствомъ глубокаго къ Вамъ уваженія, которое одушевляло всегда занятія наши подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ, явились сюда, чтобы принести Вамъ наше искреннее поздравленіе съ свѣтлымъ днемъ Вашего 50-ти лѣтняго юбилея.»

Вслѣдъ за бывшими сослуживцами по Министерству Государственныхъ Имуществъ, депутація отъ Импера-

торскаго Географическаго Общества представила слѣдующій адрессъ:

«Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества имѣетъ честь выразить Вамъ почтительное привѣтствіе отъ имени всего Общества въ день исполнившагося пятидесятилѣтія Вашей служебной дѣятельности.

«Долговременное служеніе Ваше на пользу отечества было съ тѣмъ вмѣстѣ ознаменовано постоянными трудами на пользу науки. Вы заявили любовь Вашу къ истинному знанію, еще въ самомъ началѣ служебнаго поприща Вашего, изданіемъ замѣчательнаго географическаго труда, который никогда не утратитъ своего высокаго научнаго значенія. Впослѣдствіи, поднимаясь все выше на ступеняхъ служебной іерархіи, Вы не упускали случая, чтобы возбуждать и поощрять всѣ предпріятія, имѣвшія цѣлію распространеніе полезныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, или обѣщавшихъ обогатить науку новыми данными.

«При столь благородныхъ стремленіяхъ Вы не могли не отозваться вполнѣ сочувственно и къ мысли объ учрежденіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которое имѣетъ честь считать Васъ въ числѣ своихъ членовъ-учредителей. Въ продолженіе нѣсколь-

кихъ четырехлѣтій вы посвящали нашему Обществу труды Ваши не только въ качествѣ члена Совѣта, но и участвовали почти во всѣхъ спеціальныхъ коммиссіяхъ по снаряженію разныхъ ученыхъ экспедицій. Наконецъ въ послѣднее время Вы приняли на себя званіе помощника предсѣдателя.

«Такимъ образомъ въ продолженіе своего 22-хъ-лѣтняго существованія Географическое Общество постоянно видѣло Васъ своимъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ. Совѣтъ, принимая самое живое участіе въ сегодняшнемъ юбилеѣ, почитаетъ себя счастливымъ, что можетъ при этомъ высказать Вамъ чувство благодарности и уваженія, которыя одинаково одушевляютъ всѣхъ членовъ Общества».

Графъ Ѳ. Литке, графъ Ѳ. Гейденъ, П. Семеновъ, С. Зеленой, В. Григорьевъ, А. Артемьевъ, Н. Ивашинцовъ, А. Савичъ, В. Ламанскій, В. Безобразовъ, Е. Ламанскій, В. Вишняковъ, А. Бутаковъ. Секретарь Ѳ. Остенъ-Сакенъ.

Апрѣля 8 дня 1868 года.

Директоръ Центральнаго Статистическаго Комитета привѣтствовалъ А. П. Левшина отъ этого учрежденія, которое въ то время, когда онъ былъ Товарищемъ Ми-

нистра Внутреннихъ дѣлъ, находилось въ его ближайшемъ вѣдѣніи. Тогда въ этомъ учрежденіи сосредоточивались дѣла по возникшему въ то время уничтоженію крѣпостнаго права. Отъ главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ, привѣтственной депутаціей бывшему предсѣдателю своему явились члены Совѣта. Отъ Россійской Академіи Наукъ президентъ академіи, графъ Ѳ. П. Литке, съ депутатомъ, привѣтствовалъ юбиляра, какъ почетнаго члена Академіи.

Государственный канцлеръ князь Горчаковъ пріѣхалъ въ одно время съ депутатомъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, директоромъ Азіатскаго Департамента, который привѣтствовалъ юбиляра въ воспоминаніе дипломатическихъ заслугъ, какими онъ началъ свое служеніе отечеству. Съ своей стороны, князь Горчаковъ теплымъ и задушевнымъ словомъ стараго товарища привѣтствовалъ Алексѣя Иракліевича, съ которымъ онъ въ одно время начиналъ свое нынѣ славное дипломатическое поприще. Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Елена Павловна и Великій Князь Константинъ Николаевичъ прислали отъ себя поздравленія.

Между тѣмъ, какъ посѣтители и депутаціи смѣнялись одни другими, получено было еще нѣсколько депешъ и

адресовъ; такъ воронежская гимназія, гдѣ, въ дѣтствѣ, учился Алексѣй Иракліевичъ, привѣтствовала своего бывшаго ученика: Императорское Московское Общество сельскаго хозяйства, считающее Алексѣя Иракліевича, въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ привѣтствовало его «какъ неутомимаго дѣятеля для пользы отечественнаго хозяйства»; оно напоминало въ своемъ адресѣ о томъ участіи, которое Алексѣй Иракліевичъ всегда оказывалъ обществу и развитію нашего отечественнаго, многообразнаго хозяйства; Московскій Комитетъ шелководства, вмѣстѣ съ привѣтственнымъ адресомъ Алексѣю Иракліевичу, «вспоминая все добро, оказанное имъ Комитету» для подкрѣпленія его дѣятельности, представилъ юбиляру дипломъ на званіе почетнаго члена. Отъ Харьковскаго университета, давно уже считающаго Алексѣя Иракліевича почетнымъ членомъ, прислана слѣдующая телеграмма:

«Въ пятидесятилѣтній юбилей Вашей дѣятельности, ознаменованной столькими заслугами, примите усердное поздравленіе отъ университета, который вмѣняетъ себѣ въ честь считать Васъ въ числѣ своихъ воспитанниковъ».

Ректоръ *Кочетовъ*.

Вечеромъ юбиляръ, какъ радушный хозяинъ, принималъ въ кругу своей семьи своихъ друзей, знакомыхъ и всѣхъ, привѣтствовавшихъ день юбилея.

На слѣдующій день, 9-го апрѣля, тотъ же многочисленный кругъ чествовалъ Алексѣя Иракліевича обѣдомъ.

Обѣдъ, несмотря на изящность, отличался полнѣйшимъ отсутствіемъ всякой официальности; здѣсь опять собрались вокругъ юбиляра старая дружба, старое знакомство и люди, давно привыкшіе, внѣ всякой зависимости, уважать въ немъ человѣка, котораго каждому изъ собравшихся здѣсь хотѣлось принять какъ своего дорогаго гостя. Но, дѣло понятное, что въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, самая молчаливая дружба и самое скромное уваженіе не долго молчатъ и невольно высказываются. Такъ и здѣсь, вмѣстѣ съ первымъ заздравнымъ бакаломъ, начались привѣтственныя слова и рѣчи; они продолжались съ разныхъ сторонъ и въ нихъ такъ же невольно высказались черты жизни, характера и дѣятельности виновника этого праздничнаго пира.

Среди искренней бесѣды, среди воспоминаній о давно и недавно прошломъ проходило обѣденное время и между такими воспоминаніями первый тостъ за юбиляра былъ предложенъ графомъ Ѳ. П. Литке, который

въ короткихъ, задушевныхъ словахъ, напоминалъ значеніе 50-лѣтняго юбилея, неповторяющагося въ жизни. Къ этому первому заздравію А. С. Норовъ прибавилъ слѣдующее: «достохвальныя черты біографіи Алексѣя Иракліевича выражены во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ нашего Государя; да позволено будетъ къ нимъ прибавить общую любовь согражданъ къ достопочтенному юбиляру.»

Вслѣдъ за этимъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ сказалъ слѣдующія слова, живо характеризующія юбиляра какъ частнаго человѣка и общественнаго дѣятеля:

«Милостивые государи! полстолѣтія стоитъ цѣлой жизни и не даромъ у насъ сложилась поговорка: «жизнь прожить—не поле перейти»; поэтому радуемся искренно, что намъ привелось праздновать блистательное завершеніе 50-ти-лѣтней общественной дѣятельности не только *полезной*, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени *безукоризненной* и *добросовѣстной*.

«Въ области *чисто-служебной* эта дѣятельность, хоть въ общихъ чертахъ, извѣстна всѣмъ намъ, соединеннымъ здѣсь единымъ чувствомъ уваженія и пріязни къ почтенному юбиляру.

«Я никогда не имѣлъ чести быть ни его подчиненнымъ,

ни сослуживцемъ, но мнѣ близко извѣстны его качества, *какъ человѣка и семьянина*, и о нихъ-то прошу позволенія сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что эти качества, дорогія для его родныхъ и друзей, постоянно находили себѣ примѣненіе въ его дѣятельности государственной.

«Алексѣя Иракліевича удивитъ, быть можетъ, мое заявленіе, что я знакомъ съ нимъ уже цѣлые 24 года. Онъ въ то время находился въ Одессѣ или въ Италіи, а я былъ въ командировкѣ на Волгѣ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ тамъ, невѣдомо для себя самого, моимъ невидимымъ руководителемъ и наставникомъ. Книга его о *Киргизахъ*, которая, по полнотѣ и добросовѣстности ея состава, справедливо считается классическимъ и единственнымъ въ своемъ родѣ сочиненіемъ, и которую за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ тщательно изучалъ нашъ знаменитый А. С. Пушкинъ, эта книга чрезвычайно облегчила мою поѣздку по ту сторону Ахтубы, *во Внутреннюю Орду*. Съ тѣхъ поръ въ ея кочевьяхъ смѣнилось цѣлое поколѣніе, такъ что быть можетъ и Алексѣя Иракліевича постигъ неизбѣжный среди полу дикаго племени удѣлъ забвенія; но тогда еще было живо воспоминаніе о томъ, какъ онъ заботливо вникалъ въ потребности новыхъ рус-

скихъ подданныхъ и тѣмъ заставлялъ ихъ любить Россію. Ханъ-Джангиръ Букѣевъ говорилъ мнѣ: «Мы только разъ «и видѣли въ нашихъ степяхъ человѣка, который соеди-«нялъ въ себѣ столько доброты и честности!» Подобные же отзывы объ Алексѣѣ Иракліевичѣ слышалъ я и подъ сѣнью дымныхъ кибитокъ, отъ старожиловъ киргизовъ изъ числа простолюдиновъ. Вспоминая о немъ, они прибѣгали къ сравненіямъ, которыми такъ богата поэзія Востока, но повтореніемъ которыхъ я боюсь оскорбить скромность нашего почтеннаго юбиляра. Скажу только, что я съ этой минуты не переставалъ гордиться соотечественникомъ, который умѣлъ привлечь, расположить къ намъ и, такъ сказать приголубить кочевыхъ инородцевъ восточной нашей окраины и дать имъ столь выгодное понятіе о русскихъ. Завидѣнъ жребій дипломата, когда ему удается привить сосѣднему народу любовь къ странѣ, которой онъ есть представитель, и полную вѣру въ ея могущество, ибо эти два чувства всего лучше способствуютъ утвержденію міра и распространенію просвѣщенія.

«Послѣ поѣздки своей въ Киргизскую Орду Алексѣй Иракліевичъ занималъ разныя видныя должности. Теперь уже слишкомъ 12-ть лѣтъ, я вступилъ въ семейство, близ-

кое его сердцу, и чрезъ это непрерывно имѣлъ возможность изучать его характеръ. Въ немъ положительно преобладаютъ: кротость, способная обезоружить даже врага, рѣдкая скромность, строгость къ самому себѣ и снисходительность къ другимъ; и рядомъ съ этими качествами, неизмѣнное *хладнокровіе*, подъ которымъ ошибочно было бы предполагать *холодность*, потому что въ семейномъ быту, гдѣ вся жизнь на распашку, мудрено найти болѣе радушія и теплоты душевной. Алексѣй Иракліевичъ на все смотритъ серьезно, но спокойно: я никогда не слыхалъ, чтобы онъ кого-либо осуждалъ рѣзко или надъ кѣмъ-либо издѣвался. На поприщѣ служебномъ, онъ никогда не чуждался сотрудниковъ даровитыхъ и дѣльныхъ; напротивъ, онъ ихъ отыскивалъ, приближалъ къ себѣ и содѣйствовалъ ихъ возвышенію. А это черта далеко необыденная и одна изъ гражданскихъ доблестей, наиболѣе достойныхъ уваженія. Я имѣлъ случай слѣдить за Алексѣемъ Иракліевичемъ въ годину сильной борьбы страстей въ дорогомъ нашемъ отечествѣ: онъ оставался чуждъ всякаго увлеченія; его взглядъ и сужденія сохраняли всегда полную ясность, благодушіе и безпристрастіе. Тогда, какъ и теперь, невозмутимое спокойствіе его очевидно имѣло источникомъ *чистоту совѣсти*!

«Эти-то рѣдкія свойства доставили Алексѣю Иракліевичу возможность *50 лѣтъ сряду быть постоянно полезнымъ своимъ ближнимъ* и выполнить такимъ образомъ *главную задачу всякаго добраго христіанина.*

«Поднимемъ же кубокъ за здравіе почтеннаго юбиляра и пожелаемъ ему продолженія его плодотворной дѣятельности на многія лѣта!»

Тронутый радушнымъ пріемомъ и сочувственными вызовами прошлаго, видимо взволнованный, Алексѣй Иракліевичъ отвѣчалъ такой задушевной рѣчью:

«Вскорѣ по выходѣ моемъ изъ университета, подъ вліяніемъ классическихъ воспоминаній, я велѣлъ себѣ вырѣзать печать съ моимъ вензелемъ и надписью *civium ator praemium* — любовь сограждан — моя награда. Въ концѣ 1825 года, послѣ декабрскихъ происшествій, одинъ пріятель посовѣтовалъ мнѣ прибрать эту печать и менѣе выказывать мое удивленіе къ древнему Риму. Я исполнилъ тогда совѣтъ осторожнаго друга; но теперь, послѣ 50-ти лѣтняго вѣрнаго служенія моего отечеству и тремъ Государямъ его, послѣ полученія многихъ знаковъ царской милости, при настоящемъ торжествѣ, въ вашемъ присутствіи, я не только смѣло могу, я долженъ съ гордостью повторить: любовь сограждан — моя на-

града, и награда тѣмъ болѣе для меня лестная, что я не могъ пріобрѣсти ее ни силою власти, или значенія, моего, ни искательствами. Ощущенія, которыми теперь преисполнено мое сердце, такъ сильны, такъ для меня священны, что я ослабилъ бы ихъ, еслибъ сталъ выражать въ длинныхъ и пышныхъ фразахъ. Кто сильно чувствуетъ, тотъ не теряетъ словъ, а потому и я скажу вамъ, мм. гг., только три слова: благодарю, благодарю, отъ всей души благодарю! Пью здоровье всѣхъ присутствующихъ».

Не вспоминая всѣхъ подробностей, мы сохраняемъ на память этого праздника то, что было высказано за обѣденной бесѣдой наиболѣе характеричнаго по отношенію къ празднику. Съ особеннымъ интересомъ были выслушаны слѣдующія воспоминанія, вызскаанныя А. Г. Тройницкимъ и предложенный имъ тостъ:

«Милостивые государи! большинство изъ насъ друзей и почитателей Алексѣя Иракліевича, собравшихся отпраздновать юбилей полувѣковой его службы, перешло за половину жизненнаго пути. Многіе изъ васъ достигли высокихъ степеней на поприщѣ служебной, или общественной дѣятельности, и между тѣмъ я думаю, что какъ бы высоко, какъ выгодно, или почетно ни было чье-либо обществен-

ное положеніе, каждый изъ насъ, озирая прошедшую свою жизнь останавливается съ особенною любовью на лѣтахъ своей молодости; каждому изъ насъ, безъ сомнѣнія, живая дѣятельность въ молодыхъ лѣтахъ и привязанности тѣхъ лѣтъ болѣе сердечныя, а потому и болѣе прочныя, дороже и дѣятельности и привязанностей, пріобрѣтаемыхъ въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, или преклонныхъ.

«Подъ вліяніемъ этой мысли я прошу позволенія почтеннаго юбиляра возобновить въ памяти его и вашей, милостивые государи, одну изъ эпохъ молодой его жизни, эпоху, проведенную имъ въ Одессѣ, о которой я могу говорить, какъ личный свидѣтель и какъ имѣвшій честь служить, въ то время, подъ его начальствомъ.

«Когда графъ (впослѣдствіи князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ прибылъ во ввѣренный ему край, окруженный фалангою талантливыхъ и образованныхъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ Алексѣй Иракліевичъ занималъ весьма видное мѣсто. Я не стану здѣсь, конечно, распространяться о заслугахъ для Новороссіи князя Воронцова, который былъ, въ полномъ значеніи слова, правителемъ-цивилизаторомъ и котораго имя сдѣлалось тамъ такъ же дорого, какъ и незабвенные для Новороссійскаго

края князя Потемкина-Таврическаго и одного изъ его пріемниковъ — герцога Ришельё. Новороссійскій край былъ счастливъ въ выборѣ лицъ, которымъ, въ первый вѣкъ его существованія подъ русскою державою, ввѣрены были его судьбы.

«Съ самаго вступленія князя Михаила Семеновича въ управленіе краемъ, Алексѣй Иракліевичъ былъ съ нимъ неразлученъ какъ во время пребыванія его въ центрѣ его дѣятельности, Одессѣ, такъ и во время поѣздокъ его по дѣламъ служебнымъ въ Петербургъ и по всему ввѣренному ему краю, отъ устьевъ Дуная до устья Дона, для изученія этого края, для развитія и оживленія личнымъ вліяніемъ всѣхъ отраслей его гражданскаго устройства, общественной дѣятельности, земледелія и торговли. Имя Алексѣя Иракліевича тѣсно связалось въ памяти жителей края въ этотъ періодъ времени, съ блистательною и живительною дѣятельностью князя Воронцова.

«Особенная, сомостоятельная дѣятельность выпала на долю Алексѣя Иракліевича при назначеніи его, въ 1831 г., одесскимъ градоначальникомъ. Одесскіе старожилы въ адресѣ, присланномъ вчера по телеграфу Алексѣю Иракліевичу, выразились, что «едва ли есть въ Одессѣ какое-

либо изъ многочисленныхъ учрежденій, котораго бы не каснулась его заботливая, вѣрная рука».

«И дѣйствительно, во всемъ, что относилось къ гражданскому устройству, къ общественной безопасности, къ развитію торговли — жизненнаго источника богатства Одессы, къ улучшенію сельскаго хозяйства, къ распространенію благотворительности и народнаго образованія, къ оживленію общественной жизни—во всемъ этомъ Алексѣй Пракліевичъ являлся не только участникомъ, но энергическимъ начинателемъ; онъ былъ, между прочимъ, однимъ изъ учредителей Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, и одесскаго клуба, сдѣлавшагося центромъ общественной жизни въ Одессѣ. Имя Алексѣя Пракліевича осталось для Одессы типическимъ именемъ градоначальника просвѣщеннаго, энергическаго и вполнѣ преданнаго своему долгу. Не стану васъ утомлять, милостивые государи, подробностями семилѣтняго управленія его Одессою, но позволю себѣ указать только на два гражданскіе его подвига, навсегда запечатлѣвшіяся въ памяти Одессы. Не знаю, бывалъ ли кто изъ васъ въ Одессѣ въ началѣ 30-хъ годовъ и помнитъ ли видъ того времени мѣстности, называемой Пересыпью. Это широкая полоса земли между моремъ и однимъ изъ

соединявшихся съ нимъ нѣкогда лимановъ, покрытая сыпучимъ пескомъ, на которой невозможно было не только устройство жилья, но и проведеніе какой-либо дороги; всякая къ тому попытка уничтожилась первымъ, проносившимся по этому песчаному морю, вѣтромъ, заметавшимъ всякій слѣдъ человѣческаго труда.

«Алексѣй Иракліевичъ задумалъ закрѣпить эту, вѣчно волнующуюся почву и сдѣлать ее возможною къ заселенію и въ будущемъ. При содѣйствіи, устроенныхъ имъ же, по мысли князя Воронцова, арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства—первыхъ въ Россіи—и съ употребленіемъ самыхъ незначительныхъ денежныхъ средствъ, онъ засѣялъ и засадилъ, въ три или четыре года, нѣсколько сотъ десятинъ сыпучаго песку, нѣсколькими стами тысячъ деревъ и кустарниковъ. Насажденія эти счастливо принялись и скоро разрослись въ густыя плантаціи, которымъ признательные одесситы придали названіе «Левшины рощи». По широкой аллеѣ между этими рощами проведена была шоссейная дорога, облегчившая сообщенія города съ окрестностями его на этой сторонѣ, а въ самыхъ рощахъ, на утвердившемся грунтѣ возникли потомъ усадьбы и хлѣбные магазины.

«Въ 1837 году прорвался въ третій разъ въ Одессу страш-

ный бичъ — восточная чума. Не буду говорить о неутомимой дѣятельности Алексѣя Иракліевича, днемъ и ночью къ ограниченію и уничтоженію этой, невидимо и смертоносно-дѣйствующей заразы; припомню только одинъ случай, когда распространилось въ городѣ извѣстіе, что чума появилась въ городской больницѣ. Тамъ лежало нѣсколько сотъ больныхъ; какимъ путемъ, чрезъ кого прошла туда зараза— было неизвѣстно; но необходмо было немедленно изолировать и спасти тѣхъ, кого она не коснулась. Двое или трое сутокъ Алексѣй Иракліевичъ безвыходно почти провелъ въ больницѣ, распоряжаясь лично очищеніемъ всѣхъ камеръ, перемѣщеніемъ больныхъ и очисткою всѣхъ вещей ихъ отъ смертоноснаго міазма, зная, что онъ каждоминутно могъ прикоснуться къ зараженнымъ лицу, или вещи и пасть жертвою своего самоотверженія. Забывая о личной опасности, онъ исполнилъ спокойно, по сознанію только своего долга, этотъ подвигъ гражданскаго мужества и человѣколюбія. Подобные подвиги не забываются и я приведу еще одно выраженіе адреса одесскихъ старожиловъ: «нынѣшнее поколѣніе не видѣло вашихъ трудовъ; но старцы возвѣстятъ потомкамъ объ этихъ трудахъ». Впослѣдствіи Алексѣй Иракліевичъ вступилъ на болѣе широкое служебное поприще. Въ должности дирек-

тора Департамента Сельскаго Хозяйства онъ оказалъ существенныя заслуги развитію сельскаго хозяйства въ Россіи; а привязанность и уваженіе, пріобрѣтенныя имъ отъ сослуживцевъ его, ясно выразились вчера, въ теплыхъ словахъ, высказанныхъ ему отъ имени прежняго и нынѣшняго состава этого Департамента. Въ званіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ Алексѣй Иракліевичъ былъ однимъ изъ первыхъ начинателей къ проведенію въ жизнь высокой мысли Августѣйшаго нашего Монарха объ освобожденіи крестьянъ.

«Государь Императоръ благоволилъ упомянуть въ данномъ вчера на имя его рескриптѣ, что онъ былъ «однимъ изъ главныхъ дѣятелей первоначальной эпохи этого великаго преобразованія», и я увѣренъ, что когда, современемъ, безпристрастно будутъ разработаны историческіе матеріалы этого знаменательнаго времени, имя Алексѣя Иракліевича займетъ въ нихъ принадлежащее ему почтенное мѣсто.

«Несмотря, однакожъ на это возвышеніе служебнаго положенія Алексѣя Иракліевича, на расширеніе круга его дѣятельности, я повторяю свою увѣренность, что пребываніе его въ Одессѣ должно было остаться для него одною изъ самыхъ свѣтлыхъ эпохъ его жизни. Вы согла-

ситесь въ томъ со мною м. гг., когда я прибавлю, что въ Одессѣ началась семейная жизнь Алексѣя Иракліевича. Я помню балъ, данный имъ въ Одессѣ, въ 1832 г. на существовавшей еще тогда живописной Ришельевской дачѣ, на которомъ онъ представилъ одесскому обществу свою молодую невѣсту. Съ тѣхъ поръ прошло около 36 лѣтъ и всѣ, знающіе близко семейную жизнь Алексѣя Иракліевича, подтвердятъ, конечно, мои слова, что семейный и союзъ его былъ союзъ видимо благословенный Богомъ.

«Ожививъ эти воспоминанія въ памяти почтеннаго юбиляра и вашей, милостивые государи, я не могу закончить своихъ словъ ни чѣмъ лучшимъ, какъ пожеланіемъ Алексѣю Иракліевичу послѣ нынѣшняго юбилея служебнаго, такъ сердечно и сочувственно нами празднуемаго, достичь до другаго, не менѣе дорагаго для него, 50-т. лѣтняго юбилія семейнаго, *золотой свадьбы*, Въ условіяхъ человѣческой жизни, въ условіяхъ здоровья Алексѣя Иракліевича исполненіе моего желанія не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго. Да сохранитъ Богъ здоровье его и его семьи, чтобы онъ благополучно могъ дожить до такого праздника, дающагося въ удѣлъ немногимъ.

«Предлагаю вамъ милостивые государи, душевно пожелать Алексѣю Иракліевичу дожить до золотой его свадьбы и въ связи съ этимъ пожеланіемъ выпить за здоровье его супруги Елизаветы Ѳедоровны, дочерей его Ольги Алексѣевны и Варвары Алексѣевны и сына его Ѳедора Алексѣевича.»

Послѣ воспоминаній А. Г. Тройницкаго А. П. Заблоцкій, въ изящной и оживленной рѣчи, обрисовалъ то нравственное значеніе, какое имѣлъ юбиляръ на всѣхъ окружавшихъ его, въ бытность его директоромъ Департамента Сельскаго-Хозяйства; онъ былъ тамъ, по выраженію почтеннаго оратора, *знаменемъ чести*, подъ которымъ они шли какъ полкъ подъ своимъ. Благодаря за это отрадное воспоминаніе прошлаго, юбиляръ предложилъ тостъ за Департаментъ, «куда я никого съ собой не привелъ» сказалъ онъ «и откуда, несмотря на то, вынесъ дружбу».

Когда среди радушной бесѣды были пройдены воспоминанья прошлаго, невольно перешли къ настоящему и къ современной дѣятельности юбиляра; она вездѣ цѣнится и встрѣчаетъ одинакое сочувствіе и въ Сенатѣ, и въ Географическомъ Обществѣ, и въ Обществѣ желѣзныхъ дорогъ. Г. Сущовъ сказалъ привѣтственную рѣчь и поднялъ тостъ за высоко безпристрастную дѣятельность

Алексѣя Иракліевича какъ члена Верховнаго Суда. Графъ Г. А. Строгановъ привѣтствовалъ его отъ имени Главнаго Общества Желѣзныхъ дорогъ.

Отвѣчая на всѣ добрыя желанія, юбилеръ предложилъ нѣсколько тостовъ; 1-й изъ нихъ былъ поднятъ за процвѣтаніе Географическаго Общества и за президента его. Отвѣчая на рѣчь графа Строганова, сказалъ нѣсколько словъ въ защиту Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ противъ нападокъ на него журналовъ и заключилъ тостомъ за будущее преуспѣяніе Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ.

Въ самомъ концѣ обѣда Алексѣй Иракліевичъ доставилъ своимъ собесѣдникамъ удовольствіе выслушать нѣсколько страницъ изъ его воспоминаній о лицахъ имѣвшихъ вліяніе на его гражданскую дѣятельность и старыхъ товарищахъ своихъ. Вотъ что онъ прочелъ:

«Озираясь кругомъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностью вижу здѣсь свидѣтелей разныхъ періодовъ моей жизни; но, вспоминая эти періоды, я вижу въ каждомъ изъ нихъ пробѣлы, напоминающіе мнѣ тѣхъ сопутниковъ житейскаго странствованія, которые отошли въ вѣчность; я разумѣю тутъ начальниковъ моихъ, товарещей, друзей и вообще людей, имѣвшихъ вліяніе на

мое нравственное и гражданское положеніе. Помянуть ихъ добрымъ словомъ считаю я въ настоящемъ сдучаѣ моимъ долгомъ; думаю, что воспоминанія мои не навлекутъ Вамъ скуки, потому что многіе изъ присутствующихъ встрѣтятъ въ нихъ имена имъ знакомыя а иногда дорогія.

«Чтобы быть послѣдовательнымъ въ моихъ воспоминаніяхъ и не забыть кого-либо, я прошу позволенія разсказъ мой заимствовать изъ домашнихъ записокъ моихъ и для того сѣсть.

«Окончивъ курсъ ученія моего въ Харьковскомъ Университетѣ я вступилъ въ службу, какъ вамъ извѣстно, 8-го апрѣля 1818 года въ бывшую Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, которая, находясь въ составѣ Министерства того же имени, была подъ главнымъ начальствомъ графа Карла Васильевича. Онъ былъ министромъ, я былъ безвѣстнымъ канцелярскимъ чиновникомъ, слѣдовательно между нами была бездна, и я не могъ имѣть съ нимъ никакихъ прямыхъ сношеній, и потому не имѣю право говорить здѣсь о немъ. Что касается дипломатическихъ достоинствъ его и многихъ заслугъ, то ихъ давно признала Россія и вся Европа: онъ принадлежитъ исторіи.

«Ближайшими ко мнѣ начальниками, во время служе-

нія въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ были: Василій Алексѣевичъ Полѣновъ, а потомъ, по переходѣ моемъ въ Азіатскій Департаментъ, Константинъ Константиновичъ Родофиникинъ. Съ первымъ служилъ я очень недолго, втораго не могу помянуть лихомъ, но и не имѣю основанія благодарить за что-либо, кромѣ вѣжливости. Не такъ отзовусь я о встрѣченномъ мною въ Азіятскомъ Департаментѣ полуначальникѣ, а потомъ и полномъ начальникѣ Васильѣ Ѳедоровичѣ Тимковскомъ, который плѣнилъ меня свѣтлымъ умомъ, прямотою души, свѣдѣніями и бойкимъ перомъ; а потому въ 1820 году я вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Оренбургъ въ качествѣ его помощника по сношеніямъ съ киргизъ-кайсацкими ордами. Товарищами моими въ этой экспедиціи были князь Черкасскій и Корсаковъ; оба они сдѣлались моими друзьями: первый изъ нихъ умеръ симбирскимъ губернаторомъ, второй эскадроннымъ командиромъ. Появленіе наше въ Оренбургѣ было принято недружелюбно: оно стѣсняло многія низшія власти въ произвольныхъ дѣйствіяхъ ихъ и потому скоро возбудило непріятныя отношенія между начальникомъ нашей маленькой миссіи и главнымъ начальникомъ края. Размолвка эта была причиною, что Тимковскій отправился въ Петербургъ, для объясненія съ мини-

стерствомъ, а я остался въ Оренбургѣ, безъ опредѣленныхъ отношеній къ мѣстнымъ властямъ и почти безъ дѣла. Обстоятелство это дало мнѣ счастливую мысль заняться разборомъ архива пограничной коммисіи; а плодомъ этого труда, равно какъ моихъ частныхъ поѣздокъ въ Киргизскую Степь и безпрерывныхъ сношеній съ ханомъ и султанами киргизскими было изданное мною, нѣсколько лѣтъ послѣ, сочиненіе мое подъ названіемъ Описаніе Киргизъ-Кайсакскихъ ордъ и степей.

«Занимаясь Киргизами я занялся и изученіемъ быта ихъ сосѣдовъ—Уральскихъ козаковъ и издалъ историческое ихъ описаніе.

«Возвратившись въ Петербургъ въ 1823 году я былъ представленъ, почтеннымъ и добрымъ Н. М. Лонгиновымъ, графу Михаилу Семеновичу Воронцову, который тогда назначенъ Новороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ и Бессарабскимъ Намѣстникомъ. Онъ формировалъ свое управленіе и предложилъ мнѣ вступить въ него; я принялъ это предложеніе съ восхищеніемъ. На самыхъ первыхъ шагахъ новый начальникъ мой очаровалъ меня своею вѣжливостію, любезностію, умомъ и пылкимъ стремленіемъ къ общей пользѣ. Очарованіе это продолжалось 15 лѣтъ, то есть во весь періодъ служенія моего подъ его

начальствомъ и, могу смѣло сказать, что я раздѣлялъ это чувство почти со всѣми моими товарищами. Старшій между нами былъ тогдашній Полковникъ, нынѣ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и сенаторъ А. И. Казначеевъ, съ которымъ задушевная дружба моя до нынѣ неразрывно продолжается въ теченіи 45 лѣтъ; за тѣмъ назову вамъ барона Бруннова, нынѣшняго посла нашего въ Лондонѣ, съ которымъ мы въ 1836 году издавали двуязычный Одесскій Вѣстникъ, Марини, Вигеля сочинителя извѣстныхъ записокъ, поэта Туманскаго; потомъ присоединились къ намъ годъ или два спустя М. П. Щербинъ и С. В. Сафоновъ, недавно скончавшійся здѣсь въ званіи сенатора. М. И. Лекса, мы нашли въ Кашиневѣ въ канцеляріи Бессарабскаго намѣстника. О другихъ вамъ неизвѣстныхъ упоминать не буду, но въ заключеніе скажу вамъ, что между нами была звѣзда первой величины нашего литературнаго міра знаменитый поэтъ нашъ Пушкинъ.

«Неумѣстно было бы воспомнить здѣсь какія либо черты изъ жизни Пушкина. Одно только обстоятельство считаю я долгомъ совѣсти разъяснить вамъ, а именно: что публика несправедливо обвиняла графа Воронцова, въ преслѣдованіи Пушкина. Безсмертный нашъ поэтъ, не взирая на огромный талантъ, былъ человѣкъ до крайно-

сти самолюбивый, раздражительный и избалованный безусловнымъ поклоніемъ современниковъ; съ другой стороны онъ легко поддавался вліянію лицъ, успѣвшихъ пріобрѣсти его довѣренность, что замѣчено и его біографами. Одному изъ такихъ вліяній надо приписать раздраженіе Пушкина противъ графа Воронцова, который осыпалъ его вѣжливостями и получалъ въ возвратъ неучтивости. Если желаете знать подробности удаленія Пушкина изъ Одессы прочтите правдивый разсказъ И. П. Липранди, напечатанный въ Русскомъ архивѣ, годъ четвертый (стр. 1459 до 1491).

«Службу мою въ Одессѣ началъ я должностію начальника Финансоваго Отдѣленія въ канцеляріи Генералъ-Губернатора; но, въ первое путешествіе свое по губерніямъ, графъ Воронцовъ взялъ меня съ собою въ качествѣ походнаго секретаря, которое вскорѣ было обращено въ мою постоянную должность; въ ней то сблизился я съ моимъ начальникомъ особеннымъ образомъ и вошелъ въ отношенія исключительныя.

«Проводя дни и ночи въ одной коляскѣ, или за однимъ письменнымъ столомъ; ночуя иногда на одной кучѣ сѣна, разговаривая на распашку о дѣлахъ всякаго рода, нельзя было намъ не свыкнуться другъ съ другомъ, а мнѣ

нельзя было не оцѣнить достоинствъ моего начальника и горячаго стремленія его къ благу ввѣреннаго ему края; нельзя было мнѣ не привыкнуть смотрѣть на вещи шире и смѣлѣе нежели смотрятъ въ канцеляріяхъ и разныхъ управленіяхъ. Такимъ образомъ я въ теченіе трехъ лѣтъ совершалъ дополнитый курсъ моего политическаго образованія, и признаюсь, что въ эти три года идеи мои много измѣнились къ лучшему.

«Такимъ же путемъ я получилъ нѣсколько полезныхъ уроковъ въ администраціи отъ графа Виктора Павловича Кочубея, который жилъ тогда въ Крыму и при которомъ графъ Воронцовъ оставилъ меня на нѣкоторое время для доклада ему разныхъ проектовъ. Это была въ своемъ родѣ личность замѣчательная по уму, опытности въ дѣлахъ, познанію Россіи и по своей памяти.

«Въ концѣ 1826 года Воронцовъ уѣхалъ за границу, мѣсто его заступилъ временно графъ Ѳ. П. Паленъ, съ котовымъ я прослужилъ около года въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ.

«Въ 1831 году, за новымъ отсутствіемъ графа Воронцова, графъ Паленъ былъ вторично призванъ къ управленію Новороссійскимъ Краемъ. Онъ былъ столь внимателенъ ко мнѣ, что, при первомъ извѣстіи о его назначе-

ніи, пріѣхалъ ко мнѣ (это было въ С.-Петербургѣ) и совершенно неожиданно предложилъ мнѣ мѣсто одесскаго градоначальника, которое немедленно должно было открыться. Любя Одессу, проживъ въ ней уже семь лѣтъ, участвовавъ во многихъ тамошнихъ дѣлахъ, имѣя тамъ много знакомыхъ и уважая почтеннаго начальника, я не колеблясь принялъ предложеніе.

«Пребываніе мое въ С.-Петербургѣ въ 1831 году напоминаетъ мнѣ многіе часы, столь же пріятные, сколько поучительные: я сблизился съ М. М. Сперанскимъ и былъ удостоенъ особеннымъ благорасположеніемъ его ко мнѣ. При началѣ холеры всѣ запирались въ домахъ и перестали принимать знакомыхъ; Михаилъ Михайловичъ, напротивъ, предложилъ мнѣ всякій день ѣздить къ нему. Изъ бесѣдъ и разговоровъ этого замѣчательнаго, историческаго человѣка я вынесъ много полезныхъ свѣдѣній. Такія отношенія его ко мнѣ сохранилъ я до конца его жизни.

«1-го августа 1831 года я въѣхалъ въ Одессу и принялъ бразды правленія съ особеннымъ удовольствіемъ: все окружавшее меня призывало къ дѣйствію, во всемъ я находилъ интересъ, всѣмъ хотѣлъ заниматься тѣмъ болѣе, что были силы и во мнѣ горѣлъ огонь желанія общей

пользы; мнѣ было 32 года. Жители Одессы встрѣтили меня, какъ стараго пріятеля, съ тою лобовью и снисходительностью, которую они неоднократно оказывали мнѣ и послѣ, при каждомъ посѣщеніи Одессы, и которую подтвердили еще вчера поздравительною депешею. Я управлялъ Одессою семь лѣтъ; но прожилъ въ ней пятнадцать; имѣлъ тамъ добрыхъ пріятелей и достойныхъ сотрудниковъ; нѣкоторые изъ нихъ достигли высшихъ государственныхъ должностей и я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу ихъ здѣсь. Время не позволяетъ мнѣ исчислять тѣхъ одесситовъ, о которыхъ память мнѣ пріятна; многіе изъ нихъ уже перешли въ вѣчность, другіе живутъ и дѣйствуютъ. Помяну первыхъ и посылаю умственно привѣтъ послѣднимъ.

«Въ 1844 году былъ я назначенъ директоромъ Департамента Сельскаго Хозяйства подъ начальство министра государственныхъ имуществъ графа Киселева.

«Служба моя въ этой должности такъ была для меня во всѣхъ отношеніяхъ пріятна, что я исполнялъ ее 12 лѣтъ, позабывъ думать о повышеніи или перемѣщеніи. Начальникъ мой былъ человѣкъ со свѣтлымъ умомъ, прозорливостію, и настойчивымъ стремленіемъ къ благу ввѣреннаго ему управленія; понимая свои обязанности въ на-

стоящемъ смыслѣ, онъ не вмѣшивался въ мелочи, давалъ мнѣ свободу дѣйствовать, не стѣснялъ меня въ выборѣ чиновниковъ, оказывалъ мнѣ должное уваженіе и довѣренность. На этомъ основаніи я довелъ количество дѣлъ и бумагъ, представляемыхъ Министру, до крайняго сокращенія; прочія распоряженія шли отъ Департамента, или отъ меня и подъ моею отвѣтственностію. Сотрудники мои не менѣе содѣйствовали моему пріятному служенію; я въ нихъ имѣлъ товарищей способныхъ, усердныхъ; пользовался ихъ личнымъ благорасположеніемъ ко мнѣ и до сихъ поръ остался со многими изъ нихъ въ пріятныхъ отношеніяхъ. Съ удовольствіемъ и благодарностію вижу многихъ изъ нихъ въ настоящемъ собраніи; между тѣмъ почту память усопшихъ, добросовѣстныхъ товарищей тогдашней дѣятельности моей: П. И. Кеппена, генерела Швенгельма и Ак. Аф. Война-Куринскаго, Д. Н. Струкова Черемсинова и Вестеприка.

Именнымъ Указомъ 17-го декабря 1855 г. я былъ назначенъ Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. До сихъ поръ не знаю кто рекомендовалъ меня въ эту должность: ибо съ тогдашнимъ Министромъ Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ, я до этого времени вовсе не былъ знакомъ.

«Какъ-бы то ни было мы съ нимъ сошлись и прослу-

жили вмѣстѣ первые два года въ единомыслiи, занимаясь вмѣстѣ и исключительно вдвоемъ однимъ изъ величайшихъ дѣлъ нашего времени; потомъ добрые люди нашли полезнымъ какъ развести и достигли своей цѣли. Не смотря на то я не могу не отдать справедливости гражданскимъ доблестямъ этого лица; съ удовольствiемъ вспоминаю его доброту, честность и добросовѣстность. Миръ праху почтеннаго человѣка».

Когда обѣдъ кончился, В. П. Безобразовъ сказалъ еще нѣсколько словъ о характерѣ и дѣятельности юбиляра въ недавнiе, всѣмъ намъ памятные годы. Указавъ на то, что эта дѣятельность, независимо отъ его служебно-государственнаго положенiя, составила ему чистую и почетную общественную репутацiю.

Было уже поздно, но послѣ обѣденная бесѣда еще длилась въ гостинныхъ среди кружковъ, на которые раздѣлилось общество.

Наконецъ, предъ отъѣздомъ юбиляра домой, при напоминанiи о настоящемъ скоро идущемъ времени, Г. Сущевъ сказалъ еще нѣсколько словъ о настоящей судебной дѣятельности Алексѣя Иракliевича и, предлагая за нее тостъ, пожелалъ, чтобъ она служила примѣромъ молодому поколѣнiю и чтобъ юбиляръ никогда не оставлялъ ее.

Послѣ словъ благодарности, высказанной на это юбиляромъ, кн. П. Н. Цертелевъ сказалъ: «Алексѣй Иракліевичъ! Останавливаюсь на только что высказанномъ желаніи, чтобы Ваша дѣятельность служила примѣромъ молодому поколѣнію; 50 лѣтъ тому назадъ Вы, блестящій представитель молодаго поколѣнія, простились съ Харьковскимъ Университетомъ; теперь 50 лѣтъ спустя, въ день вашего юбилея, онъ привѣтствовалъ Васъ, какъ еще близкаго ему человѣка—какъ почетнаго члена своего; невольно воспоминается та связь, которая всегда остается крѣпка между школой науки и лучшими представителями ея, вносящими науку въ жизнь: съ радостію Вашего праздника неразрывно воспоминанье о томъ университетѣ, который напутствовалъ Вашу молодость и сохраняетъ Ваше имя въ теченіе этихъ всѣхъ 50-ти лѣтъ; по этому, думаю, Вамъ пріятно будетъ, на прощанье, вспомнить первые дни этого пятидесятилѣтія, послѣдній день котораго мы празднуемъ, вспомнить, далеко ушедшую молодость и принятъ тостъ за бывшаго харьковскаго студента Алексѣя Иракліевича Левшина! съ тѣхъ поръ, на какомъ бы поприщѣ и въ какихъ бы сферахъ онъ ни дѣйствовалъ — онъ всегда служитъ истинѣ, съ которой не разрывна наука, а съ наукой Университетъ.»

За этими словами, напоминавшими всегда дорогую молодость, почтенный юбиляръ поднялъ бокалъ за харьковскій Университетъ и простился съ собесѣдниками, среди искреннихъ пожеланій ихъ, чтобы еще на долго сохранились тѣ силы, которыя такъ хорошо развѣлись его прекрасною молодостью, такъ сохранились мудрымъ мужествомъ, и такъ неизмѣнно благородно служили общественнымъ и государственнымъ пользамъ въ теченіи 50-ти лѣтъ.

Да исполнится это желаніе всѣхъ, любящихъ Алексѣя Иракліевича.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Іюня 5-го дня 1868 года.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», у Круглаго рынка, № 5.